

Спасителей не выбирают

Автор:

Дарья Кузнецова

Спасителей не выбирают

Дарья Андреевна Кузнецова

Жизнь порой любит жестоко подшутить над людьми, уверенными в собственной неприкосновенности. Так вчерашний владетель Хаггар Верас, аристократ и маг исключительной силы, волею судьбы превратился из хозяина жизни в изгоя, человека вне закона. Но жизнь справедлива: отнимая что-то, она всегда дает новый шанс. Главное – извлечь урок, сделать правильные выводы и не повторять предыдущих ошибок. И если в родном мире тебе больше нет места, следует поискать за его пределами. И там можно найти не только новое занятие по душе, но и приключения и даже любовь.

Дарья Кузнецова

Спасителей не выбирают

© Кузнецова Д. А., 2017

© Художественное оформление, «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

* * *

Часть первая

Первые шаги

Сознание вело себя странно. Он не мог поручиться, что находится в здравом уме, но и признать себя обезумевшим не хотел. Порой появлялись проблески, озарения, и Он ясно сознавал, кто он, где находится и куда идет, а в следующее мгновение все это затягивал туман забвения, и оставалась лишь твердая убежденность: надо двигаться. Все равно куда, но – двигаться.

Верного пути и ориентиров здесь не существовало, а мгновение передышки непременно обратилось бы в вечность. Мучительную, безнадежную, одинокую и обреченную вечность, наполненную... чем-то. Чем именно, он точно не знал, но ощущал – ничем хорошим. А если двигаться, то рано или поздно все кончится и он придет.

Куда? Туда, где можно будет наконец отдохнуть. Туда, где не надо будет помнить, где не надо будет мучительно цепляться за обрывки жизни, воспоминаний и ощущений, лишь бы сохранить остатки себя. Туда, где будет что-то, что угодно, лишь бы не эта чуждая голодная пустота, прикидывающаяся то туманом, то толщей воды, то некой вязкой полужидкой субстанцией, каждый шаг в которой растягивался на тысячу.

Шаг...

Он смутно помнил, что это такое, но точно знал: это слово обозначает движение вперед. То, в чем состоял сиюминутный смысл его жизни. Вперед, через лабиринты памяти, через боль, через пустоту и безнадежность, сквозь безразличное и чуждое всему живому Ничто.

1387 год от Великого Раскола

Ничейные горы, замок Гнездо, Северный Общемагический университет

Никто точно не знал, кем и когда был построен этот замок, ютящийся на отвесной скале в труднодоступной местности. Историки до сих пор публиковали работы, посвященные Гнезду и его создателям, и как только ни изгалялись почтенные мужи. Авторство приписывали покинувшему мир волшебным народам

и загадочным пришельцам извне, всем богам по очереди, вождям-рабовладельцам, великим магам древности...

Последним от историков почему-то доставалось особенно часто. Если собрать воедино все, что так или иначе связывали с этими легендарными личностями, оные маги выходили на порядок сильнее не то что современных коллег – богов! Они поднимали горы, изменяли русла рек и климат, стирали с карт государства и целые народы.

Гасар Ассай, декан Теневого факультета, созерцал потемневшую от времени поверхность стола, на которой лежали его руки, и очень грустил, что он не один из великих магов древности. Гасить звезды и зажигать луны, должно быть, гораздо приятнее, чем сидеть на педсовете и ждать оставленного напоследок нагоняя от ректора университета. Причем нагоняя несправедливого и оттого чрезвычайно обидного.

Нет, этот крепкий и достаточно молодой еще мужчина, один из сильнейших магов современности, не боялся своего прямого начальника, они даже состояли в приятельских отношениях. Но он помнил устав университета и знал, что в этих стенах ответственность за поведение учеников несут их руководители. Перед куратором потока – староста группы, перед деканом – кураторы, а перед ректором – уже деканы. Эта система зарекомендовала себя неплохо, учебные и дисциплинарные проблемы студентов редко доходили даже до декана, решались на местах, но в любом правиле есть исключения.

– ...И последний вопрос на повестке сегодняшнего дня, – прозвучал спокойный и чуть усталый голос ректора, заставивший Гасара подобраться. – Дисциплинарный. А именно – поведение студента Хаггара Вераса. Восемь жалоб с начала учебного года, и это только от педагогического состава, – резюмировал он. Когда прозвучало имя студента, почти все присутствующие недовольно скривились, кто-то выругался себе под нос, кто-то гневно нахмурился. – Гасар, сожри твою печень Незримый[1 - Незримый – бог смерти и разрушения, один из старших богов. Почитается наравне с тремя другими старшими богами, но в отличие от них постоянно поминается всуе, обычно – в ругательствах. – Здесь и далее примеч. авт.], как это называется? Почему ты не можешь призвать к порядку одного малолетнего засранца, первокурсника?!

Ректор, Майяр Харисс, относился к числу существ редких и загадочных – сумеречных магов. Им то приписывали способности обеих сторон силы сразу, то

какие-то альтернативные таланты, то пренебрежительно называли «среднячками» и считали бездарностями, неспособными толком освоить магическую науку.

А правда, как всегда, где-то рядом. В теневой области лежат ночные грани условного магического целого – ритуалы, магия крови, иллюзии, хаос и разрушение, пространственная магия, смерть, в светлой – жизнь, порядок, целительство, стихии и зелья. Ни одну из половинок нельзя назвать безусловно доброй или злой, мир держится на их равновесии, а сумрак существует на стыке. Да, сумеречные не способны достичь совершенства в одной из областей, но сила их в умении объединять противоположности. Неопытные студенты этого направления всегда сильно уступали своим товарищам, но на высоких ступенях развития уже могли дать серьезную фору остальным. К примеру, ни один маг в здравом уме не рискнул бы связаться с Майяром.

– С удовольствием выслушаю твои предложения, – огрызнулся Ассай.

– Тебе прочитать устав? – нахмурил не по возрасту седые брови ректор.

– Я его и так наизусть помню, – поморщившись, отмахнулся декан.

– Тогда почему, Гес, ты не можешь поставить его на место самостоятельно? – мрачно спросил Харисс. – Мы вынуждены на педсовете уделять внимание одному-единственному избалованному ребенку и тратить на него время. Бред!

– Это не ребенок, Май! – не выдержала заведующая кафедрой зелий Онира Вайрат, обычно строгая и сдержанная женщина средних лет. Сейчас магистра, впрочем, буквально трясло не то от злости, не то от возмущения, не то от обиды: ее заявление лежало среди упомянутых ректором восьми. – Это чудовище! И мне очень интересно, магистр Фесар, как это чудовище умудрилось вскрыть вашу порталную защиту и притащить в университет продажных женщин!

– Онира, это вообще наименьшая из проблем, связанных с Верасом, – отмахнулся Гасар.

Конкретизировать, что все «жертвы» нашествия проституток не слишком-то пострадали, он не стал, чтобы не нарываться на скандал. На взгляд теневика, заместитель Ониры, зельевар более чем почтенного возраста, о котором и

пеклась женщина, уже лет пятьдесят не выглядел таким бодрым и окрыленным, как последнюю декаду после упомянутого инцидента.

– Но случай показателен, да, – продолжал между тем декан. – Май, с ним не работают никакие меры, понимаешь? Он слишком силен, и в этом главная проблема. Мы не можем запечатать его дар и выставить его прочь: добровольно на это ограничение он не согласится, а принуждать... Извини, но я категорически возражаю против такого риска. Сам понимаешь, запечатать сопротивляющегося мага непросто, и этот мальчишка нам такой катаклизм устроит – мало не покажется! И я уже не говорю о том, что это незаконно и его папаша размажет нас по ближайшим скалам за надругательство над наследником. А все остальное бесполезно. Исправительные работы и дополнительные задания он выполняет с той же легкостью, с какой университетскую программу. Да, он избалованный засранец, но засранец гениальный, и спорить с этим невозможно, – уже сейчас уровень его знаний соответствует в среднем третьему курсу, а по некоторым дисциплинам и четвертому. Он получил отличное домашнее образование, и в другой ситуации я бы только восхитился подобными познаниями. Карцером его тоже не напугать, он давно уже воспринимает его как повод выпататься и провести сеанс лечебного голодания. Телесные наказания у нас не применяются, но, подозреваю, они бы только ухудшили ситуацию. Сейчас он просто развлекается, а тогда всерьез обидится и начнет целенаправленно мстить. Магические воздействия на студентов запрещены, но даже если ты особым указом разрешишь мне нечто подобное, это опять же не поможет: силен, зараза. А уж вариант с привлечением родителей попросту не имеет смысла. Хаггар – единственный наследник, свет в оконце и отдушина, он по определению не может сделать что-то плохое, и достучаться до отца шансов нет. Если уж разбираться, то мы имеем дело как раз с результатом домашнего воспитания, и ничего нового его родители не привнесут. Кроме того, ты не хуже меня знаешь Вераса-старшего и его взгляды. Единственное, что он ответит на претензии к поведению сыночка, что не надо допускать в университет всяческое отребье. Именно от него младший всего этого нахватался, и как перевоспитать по сути уже сформировавшегося взрослого человека, я не знаю, извини. Тут только боги могут помочь.

– Я тебя услышал, – медленно кивнул ректор.

Хаггар Верас-старший действительно был личностью одиозной и широко известной своими консервативными взглядами. Он презирал всех, кто не мог похвастаться по меньшей мере десятком благородных поколений предков,

считал, что все проблемы страны происходят от чрезмерной образованности черни, что всем детям низкого происхождения надо принудительно запечатывать дар. Женщин он, к слову, тоже считал пригодными только для ведения хозяйства и рождения детей и потому пренебрежительно относился даже к собственной жене, подарившей ему всего одного ребенка. Впрочем, качество конечного продукта это отношение существенно смягчало, так что вместо презрительного равнодушия госпожа Верас получала от мужа снисходительное одобрение и даже некоторую добродушную опеку, что для владельца[2 - Владетель - старший аристократический титул, которых всего четыре. Далее по нисходящей идут хранитель, державый и ставленник.] было явлением беспрецедентным.

Своего сына и наследника Верас-старший обожал и до безумия им гордился - Хаггар-младший являлся воплощением всего того, чего от него ждал отец. Первый в учебе, первый на арене, первый любимец девушек, благородный и безукоризненный с равными, но презирающий «безродное отребье» и при любом удобном случае «ставящий его на место». Людми он считал только потомков благородных родов, а всех остальных ставил где-то наравне с животными: к годным и нужным снисходителен, больных и слабых готов уничтожать.

Он не делал различия между преподавателями и соучениками и с одинаковым успехом выводил из себя всех, причем физическим превосходством своим пользовался исключительно редко, обычно в порядке самозащиты. Отнюдь не из благородства, просто подобная победа казалась ему скучной, никакого удовольствия в физическом уничтожении более слабого противника Хаггар не находил. Бойкий на язык, остроумный и бесконечно самоуверенный юноша предпочитал доводить жертву до истерики словами, не скатываясь в банальные оскорбления. Он безжалостно бил по самому больному, с удивительной точностью находя уязвимые места.

Те, кому позволяло положение, предпочитали с ним дружить. Те, кому не позволяло, пресмыкались. А те, кому унижаться не позволял характер, в основном и страдали. Очень мало кто из числа последних мог достойно держать уколы ядовитого жала, вложенного Незримым в язык этого юнца. Впрочем, уважать их Хаггар за это не начинал, просто действовал другим, более изощренным оружием.

Для Вераса-младшего все это было даже не попытками самоутверждения - чем-то вроде спорта или увлечения. Кто-то коллекционирует старинные монеты, кто-

то увлекается бегами, а этот ради спортивного интереса втаптывает в грязь и унижает тех, кто, по его мнению, не достоин учиться с ним рядом или тем более преподавать. Вероятно, от скуки. Но все попытки преподавателей направить бурную энергию в мирное русло неизменно проваливались. Знания мальчишка впитывал как губка, все дополнительные курсы и факультативы усваивал с большим энтузиазмом, но даже при удвоенной по сравнению со сверстниками учебной нагрузке у него хватало энергии и времени на то, чтобы испортить жизнь окружающим.

К слову сказать, к немногочисленной имеющейся в замке прислуге, выполнявшей те функции, которые не могла выполнить магия, Хаггар относился гораздо лояльней, чем к соученикам из низших сословий, никогда не придирался к мелочам, не цеплял, да и в целом держался повежливей многих гораздо менее проблемных учеников. И в этом он тоже копировал отца: знай свое место и делай свое дело, тогда к тебе не будет никаких претензий.

- Где он сейчас? - после нескольких секунд раздумий спросил Майяр.

- В карцере, как обычно, - пожав плечами, отозвался декан Теневого факультета. - Предоставить?

В ответ на кивок декана над поверхностью стола медленно соткалась иллюзия, отображающая происходящее в одном из подземелий Гнезда. Обстановку крошечной клетушки с низким потолком составляли жесткие нары, дыра в углу - отхожее место, и одинокий огонек свечи на специальном каменном выступе у двери. Временному обитателю эта комнатка была откровенно тесна, высокий юноша не мог ни вытянуться на койке во весь рост, ни встать прямо.

Впрочем, расстроенным подобными жизненными обстоятельствами объект обсуждения не выглядел. Он сидел в углу койки, вытянув длинные ноги и спокойно привалившись спиной к холодным камням стены и, кажется, медитировал. Или просто дремал.

- Досадно, - через пару мгновений сокрушенно вздохнул декан и качнул головой.

- Что именно? - раздалось растерянные голоса.

– Что такой перспективный и талантливый юноша вырос в такой семье и получил подобное воспитание, – пояснил тот. – Из него получится великий маг, вопрос только, что это принесет всем нам.

– А может, все-таки запечатать дар? – мрачно предложила Онира Вайрат, хотя по глазам было видно – зельеварша предпочла бы просто придушить малолетнего мерзавца.

– Мы не имеем права на такой шаг, он пока не совершил ничего, за что законом предусматривалось бы подобное наказание.

– А тебе не кажется, что, когда совершит, будет уже поздно что-то менять? – подал голос Савас Ойшар, декан Светлого факультета.

Он-то как раз являлся выходцем из семьи простых ремесленников, всего в этой жизни добился сам, а Хаггара Вераса – обоих – и им подобных искренне ненавидел. Впрочем, будучи человеком умным и осторожным, ненавидел молча и не давал никому повода заподозрить себя в предвзятости. Подобные владельцы из древних аристократических родов обладали слишком большой властью, чтобы можно было выступать против них открыто, и Ойшару приходилось стискивать зубы и терпеть. Пока.

Всем, кто его знал, этот светлый маг напоминал плеть или змею. Походил он на это животное внешне – долговязый, худощавый, неожиданно ловкий и пластичный для такого сложения, с узким острым лицом и холодными серыми глазами. Да и характер соответствовал его внешности – гибкий и прочный, Савас умел приспособливаться к обстоятельствам, изворачиваться и очень хорошо умел ждать, при этом не изменяя себе и своим целям.

Гасар относился к числу немногочисленных приятелей этого недоверчивого и скрытного человека и очень данному факту радовался: видеть Ойшара среди врагов он хотел бы не в большей степени, чем Харисса.

– Не исключено, – склонил голову ректор. – Но это не дает нам права сейчас идти против законов и совести. Наша обязанность – обучить этого юношу, равно как и остальных его сверстников. Наш долг – попытаться повлиять на его мировоззрение. Что касается первого пункта, я вижу только один выход: нужно по возможности изолировать его от остальных учеников, обеспечив при этом

всестороннюю подготовку по необходимым предметам. Учитывая его интеллект и тягу к знаниям, мы легко можем составить для него индивидуальную программу обучения экстерном – и сам Верас займется делом, и срок пребывания его в стенах университета сократится. Возражений нет? Отлично. А вот по поводу второго пункта стоит серьезно подумать. Ясно, что при полном отсутствии у мальчика жизненного опыта и личной точки зрения превозмочь авторитет отца не получится, тем более – нахрапом, грубо и прямо. Не дайте вам боги критически высказываться о Верасе-старшем! Насколько я понимаю, это только настроит его против вас, потому что отца он боготворит. Я верно говорю, Гасар?

– Верно. Но ты же вроде с ним не знаком?

– С младшим – нет, но очень хорошо знаю старшего, – пожав плечами, коротко пояснил Майяр Харисс. – Так вот, возвращаясь к этому ученику... Пока единственное, что приходит в голову: мы можем заронить в него сомнения. При всем его уме и силе это все-таки подросток, ведет он себя как подросток и реагировать будет как подросток. Завтра выходной, так что какое-то время для принятия решения у нас есть. Гасар, Савас, останьтесь, составим индивидуальную программу. Сегодня начнем, завтра доделаем. Есть же у нас преподаватели, которые не страдают от его остроумия? Хоть кого-то это юное дарование уважает?

– Найдется, – кивнул декан Теневого факультета. – В общем-то всех, кто так или иначе выдается своей родословной. Он даже к некоторым женщинам относится с уважением как к специалистам, чем отличается от отца в лучшую сторону.

– Тем лучше.

Гасар вновь кивнул, хотя вопросов ему больше не задавали, и уставился в окно, за которым сгущались сумерки. Время суток, несмотря на живучие суеверия, никак не влияло на магов той или иной специализации. Точнее, влияло, но точно так же, как на прочих людей: кто-то отличался повышенной энергичностью утром, кто-то просыпался лишь к вечеру. Магистр Ассай, в пику наименованию своего дара, предпочитал день и солнечный свет, а спать ложился рано. Вечер же всегда нагонял на него уныние, и сейчас теневой маг не мог понять, одолевает его привычная тоска по закатившемуся солнцу, портят настроение прозвучавшие намеки на грядущие неприятности или грызет полноценное предчувствие. К сожалению (или к счастью?) Гасара, прорицание и провидение

относились к дневной области дара, да и особенно чуткой интуицией мужчина не обладал.

Под намеками стоило, конечно, понимать слова Майяра о великом маге, который вырастет из Хаггара Вераса-младшего. Гасар не читал никаких специализированных исследований, но факты мировой истории и народная молва утверждали: великие маги (не древние, а вполне документально засвидетельствованные) появляются на свет в час перемен. Правда, большой вопрос, что в этом тандеме первично. Можно ли в самом деле считать таких магов предвестниками злого рока или дело все же в личной неугомонности тех, кого потомки через десятилетия нарекали великими? Неизбежность предначертанных богами изменений привлекала в мир мятущиеся яркие души, переполненные силой, или могучая воля избранных смертных перекраивала умы, судьбы и мировые карты?

Парадокс, но окружающее Ничто, эта противоположная самому понятию существования субстанция казалась живой, разумной и сознательно враждебной. Ему мерещился пристальный недобрый взгляд, направленный со всех сторон сразу, который пронзал насквозь и видел все: прошлое и будущее, замершую в жилах вязкую кровь и сдавленные реберной клетью легкие, сущность и каждую мысль, мелькнувшую в мозгу за всю недолгую жизнь. А рассмотрев подробно и чем-то заинтересовавшись, глядящий выуживал это на поверхность, перетряхивал, что-то добавлял, а что-то – выбрасывал прочь.

Или не Ничто? Или безмолвным деятельным наблюдателем был кто-то, кто чувствовал себя уверенно, для кого эта нереальность являлась вполне определенным и однозначным «здесь», а не расплывчато-пугающим «где-то»?

Междумирье. Когда-то само это слово вызывало трепет, восхищало своим звучанием, в котором одном уже слышалась тайна, и не какая-то мелкая, бытовая, а тайна бытия, причем бытия не человеческого – божественного! Тайна рождения миров, ответы на все вопросы – абсолютное знание. Легендарная нереальность, в которую мечталось заглянуть хоть одним глазком, прикоснуться хоть кончиком пальца...

Сейчас Он мало интересовался сутью окружающего и происходящего. Просто двигался вперед, оставляя Междумирью клочья себя как сувениры, как обрывки

одежды и капли крови на иглах густого колючего кустарника. Упрямо и целенаправленно, не считаясь с потерями и не позволяя себе сомнений – как делал всегда – шел. Он уже не искал ответов, потому что вопросы растаяли где-то на первом шаге или даже раньше, не жаждал силы и власти.

Он просто искал выход.

1394 год от Великого Раскола

Кирмил, столица Рубера, Верхний район

Музыка играла тихо, лишь создавая фон, разбавляя тишину и органично вплетаясь в доносящийся из открытого окна ненавязчивый шум улицы. Шелест ветра, шорох колес экипажей по брусчатке, пение какой-то птицы, незаметной в густой листве дерева на противоположной стороне неширокой улицы, – вот и все звуки.

Как известно, большие деньги любят тишину, а в Верхнем районе Кирмила живут именно те, кто этими деньгами владеет. Здесь не голосят зазывалы и газетчики, не дымят заводские трубы, не случается на улицах пьяных скандалов и драк, неизменно пахнет цветами, свежестью или, в крайнем случае, какой-то очень вкусной едой. Ночью здесь всегда горят фонари, в распутицу можно пройти по мостовой, не запачкав обувь, а зимой почти невозможно поскользнуться. По мнению обитателей других мест – подлинный рай на земле.

Этим небольшим респектабельным особнячком в глубине Верхнего района владела пожилая вдова. Она давно уже предпочла городу свежий деревенский воздух, а домик сдавала внаем. Не из-за недостатка денег – просто лишнее обитателей жилье слишком быстро ветшает, поскольку некому беспокоиться из-за сырости в дождь, холода в мороз или застоявшегося душного воздуха в жару. Эти неприятности вредят домам не меньше, чем людям, только первые без помощи вторых не способны решить свои проблемы.

Особнячок отличался сравнительно небольшими размерами, но единственного постоянного обитателя все устраивало. Да, Хаггар Верас в родном доме привык к куда более роскошным условиям, но возможность в свое удовольствие пожить без постоянного присмотра родителей искупала все неудобства. Отец хоть и

ворчал вслух на самоуправство наследника, но внутренне всецело одобрял такое стремление: мужчина должен уметь самостоятельно решать все проблемы, а как положиться на мальчишку, всю жизнь прожившего под маминой юбкой? И когда четыре года назад молодой отпрыск решительно заявил, что улетает из родного гнезда и, более того, намеревается жить своим умом и, что особенно важно, на свои деньги, Верас-старший при показном неодобрении такой порыв поддержал. Первое время он пристально наблюдал за сыном, но вскоре с удовлетворением признал того достаточно взрослым и способным к самостоятельной жизни. Честь семьи наследник не ронял, с подозрительными компаниями не якшался, в азартные игры не играл. А что порой шумно гулял и пил с друзьями да свои любовные похождения не слишком-то скрывал – так зачем нужна молодость, если не для этого? Главное, знать меру, а с этим у Хаггара-младшего проблем не наблюдалось. И отец смотрел на развлечения сына сквозь пальцы.

Сейчас этот сын занимался не самым привычным делом – прихорашивался. Обычно он не задумывался о своем внешнем виде, а сейчас внимательно разглядывал развешенные камердинером пиджаки, брюки и рубашки и тщательно подбирал одно к другому.

– Господин, к вам посетитель – хранитель Варон Присс. Прикажете принять? – На пороге появился как всегда безупречный, с безукоризненной выправкой дворецкий.

– Варон? Это кстати! – оживился Хаггар. – Зови, конечно.

– Привет, а я надеялся тебя разбудить, – через минуту прозвучал с порога насмешливый молодой голос. – Что это с тобой? – растерянно и даже почти испуганно воскликнул вошедший друг, разглядывая Вераса-младшего.

– Подбираю костюм для визита к родителям, – со смешком отозвался тот.

– Не слишком ли ответственно?

– Мать прислала птичку, очень просила выглядеть достойно. Судя по тому, что это слово встретилось шесть раз за ладонь текста, она чрезвычайно взволнована. Вряд ли речь идет о каком-то пустяке.

– Кхм... Даже не знаю, что тебе на это сказать. – Молодой Присс бесцеремонно сдвинул в сторону одежду и устроился на диване, с любопытством разглядывая друга.

– Лучше скажи, какими судьбами? По делу или просто так? – сменил тему Хаггар.

– По делу, – ответил друг. – Помнишь того хамелеона, которого я просил? Он готов?

– Готов, конечно, можешь забирать. – Хозяин дома кивнул. Маскировочный амулет он создал быстро, но все забывал его отдать. – Сейчас тут закончу и принесу. Ты так не ответил, зачем он тебе?

Варон Присс магом не был и совсем не страдал по этому поводу. Все, что нужно наследнику рода и большого состояния, он выучил к двадцати одному году, с тех пор иногда помогал отцу с делами, чтобы более-менее вникнуть в них, а в основном посвящал свою жизнь удовольствиям, порой достаточно экзотическим. Поскольку Приссы являлись едва ли не самым богатым родом в стране, он мог себе это позволить. Например, мужчина очень любил загадки, тайны и интриги и нырял в каждую новую с головой. Хаггар искренне полагал, что именно это друга и погубит, но донести эту мысль до него даже не пытался – бесполезно.

Дружили молодые люди с раннего детства, как дружили их отцы. Ровесники, оба единственные сыновья в семьях, они выросли в соседних поместьях и считали друг друга почти братьями. Правда, со стороны принять их за родственников не сумел бы никто – день и ночь, полные противоположности друг друга.

С одной стороны – Хаггар. Расчетливый, хладнокровный, циничный и язвительный маг, заставлявший некоторых окружающих вспоминать дремучие суеверия, что теневые маги – суть зло. Высокий жгучий брюнет с тонкой светлой кожей, гибкий и сильный, не забывающий о систематических тренировках с оружием, скупой в движениях и мимике. Узкое скуластое лицо, хищный нос, тонкие губы и глубоко посаженные карие глаза, невзирая на теплый цвет кажущиеся холодными и колючими. Наверное, из-за не тающего в их глубине льда скуки и презрения... нет, не к собеседнику – ко всему миру.

А с другой – Варон. Ниже друга на голову, круглолицый кудрявый блондин с ясными голубыми глазами. Не толстый, но с мягкими округлыми чертами лица и

тела, выдающими человека далекого от энергичных движений. У него и манера была такая – вкрадчивая, плавная, неторопливо-вальжная. Фанат игр ума, он больше любил рассуждать, чем действовать. При решении проблемы он сначала долго собирал информацию, подробно анализировал ситуацию, потом строил серьезный план со множеством вариантов, а потом методично и аккуратно воплощал его в жизнь. Варон с первого взгляда располагал к себе, казался добродушным и покладистым. Да он таким и был – ровно до тех пор, пока все в окружающем мире шло в соответствии с его представлениями о допустимом.

– Хочу одну вещь проверить, – расплывчато отозвался Присс. – Он надежен?

– Безусловно. Я не экономил, – отмахнулся Хаггар, но все-таки пояснил подробнее: – Моя личная разработка. Сканеры его не видят, блокаторы не ловят, при обыске он отводит глаза. Даже если тебя закуют в хладное железо, еще несколько часов будет исправно работать.

– Незримый тебя разорви, думай, что говоришь! – возмутился гость. – Еще накликаешь! А все-таки зачем ты понадобился матери, да еще в таком парадном виде?

– Предполагаю, меня познакомят с невестой, – невозмутимо пожал плечами Верас-младший.

– И ты так спокойно об этом говоришь? – поперхнулся блондин.

– А зачем нервничать и дергаться? – Хозяин дома бросил на гостя насмешливый взгляд. – Это неизбежно. Долг перед родом – законный наследник. Ты, кстати, готовься – если я угадал, твой отец тоже скоро озаботится этим вопросом.

– Тьфу, вот не было печали, – скривился Варон. – Только этого мне не хватало для полного счастья!

– Друг мой, когда жена мешала спокойно жить? – пренебрежительно фыркнул теневой маг. – Сделал ей ребенка – и отправил в какое-нибудь поместье, дышать свежим воздухом. Еще можно толковую светлую с опытом целителя приставить для контроля, чтобы уж точно не было никаких осложнений. Сомневаюсь, что хранитель Присс настолько жесток, что подберет тебе совсем уж глупую курицу или уродину, то же самое могу сказать и о своем отце.

- Тоже верно, - нехотя согласился гость. - Но все равно, жени-и-ться...

- Невеста? - вдруг послышался от неприметной внутренней двери негромкий женский голос.

Хаггар слегка поморщился, предчувствуя некрасивую сцену, а Варон смутился - быть свидетелем этой сцены ему очень не хотелось.

На пороге комнаты неподвижным изваянием или скорее тенью замерла молодая женщина, и стояла она там незамеченной, судя по всему, уже несколько минут. Зеленое платье строгого силуэта подчеркивало великолепную фигуру - тонкая талия, высокая полная грудь - и молочного оттенка нежную кожу. Черные блестящие волосы волной спадали на плечо, и тонкая ладонь медленно и уже машинально проводила по ним мягкой щеткой.

- Только не начинай, - проворчал хозяин дома, не глядя в сторону женщины. - Не могла же ты всерьез рассчитывать занять это место?

В глубоких и чистых синих глазах, если бы кто-то из мужчин заглянул в них, можно было бы прочитать однозначный ответ - да, она действительно рассчитывала именно на такой итог. Действительно наивно поверила, что Хаггар Верас-младший не такое чудовище, как говорят о нем некоторые. Понадеялась, что сумеет изменить его, приручить, в конце концов, привязать к себе. Тронуть душу... Не может же у него ее не быть, в самом деле!

Увы, оказалось - может.

Полные, яркие без всякой косметики губы искривились от боли в горькой усмешке. Но Нирана Артус сумела справиться с собой и не закусить губу до крови.

- А ребенок? Или ты сейчас, как в дурной пьесе, заявишь, что не знаешь, от кого я его нагуляла? - Женщина могла бы собой гордиться: голос не дрогнул. Могла бы, если бы у нее оставались сейчас на это силы, но все они уходили на попытки сохранить остатки гордости, чтобы не дать глазам наполниться слезами.

– Нирана, я теневой маг, уж подобную мелочь я вполне способен понять, – с легким укором отозвался Хаггар, поочередно прикладывая к полузастегнутой рубашке на своих плечах три галстука и прикидывая, какой лучше. – А что – ребенок? Ублюдок с непонятной наследственностью мне не нужен.

– Но это твой... – проговорила она и запнулась – язык не повернулся назвать ни в чем не повинное дитя этим словом. Несмотря на холод в груди, несмотря на обиду, жгущую душу, в которой в эту минуту медленно и мучительно рождалась ненависть; из растоптанной первой настоящей любви, закаляясь в боли первого предательства, – холодная, удивительно острая и чистая первая настоящая ненависть.

– Дарю. – Мужчина слегка поморщился. – Никто не мешает тебе вытравить плод, с этим справится любой толковый целитель. Кроме того, на твое имя в Центральном банке открыт хороший счет. С таким приданым и при твоей внешности не составит труда успешно выйти замуж, отсутствие девичьей чести и наличие внебрачного ребенка мало кого остановит.

До зуда в пальцах, до кома в горле ей захотелось зарычать, завывать, швырнуть в эту надменную сволочь расческу, а следом – самое смертоносное заклинание из имеющихся в арсенале. Но Нирана медленно прикрыла глаза, глубоко и судорожно вздохнула и проговорила:

– Пусть будет так.

После чего развернулась и вышла в соседнюю комнату, аккуратно прикрыв за собой дверь. Она не будет закатывать истерику, не будет швыряться – ни расческами, ни чарами, ни деньгами. Первое глупо, второе – бесполезно, Верас все равно сильнее. А третье... третье глупо вдвойне. Деньги еще пригодятся.

Нирана пока еще не знала как, но точно знала, что отомстит. На мгновение мелькнула заманчивая мысль вернуть его, заставить умолять вернуться, но женщина поспешила ее отогнать: не то. Слишком глупо, слишком по-бабьи цепляться за этого человека и повторно верить тому, кто однажды воткнул нож в сердце.

Когда женщина, уже одетая и выглядящая совершенно пристойно, навсегда покинула этот дом, плана действий у нее по-прежнему не было, зато появилась

ясная цель: в полном смысле уничтожить этого человека. Увидеть, как он потеряет все, лишится своего лоска и надменного спокойствия, окажется втоптан в грязь.

Как может посредственная волшебница без особенных связей и влияния навредить владельцу, самому сильному магу современности, она пока не представляла, но... даже боги не вечны, а Хаггар Верас – всего лишь человек.

А в комнате за закрытой дверью некоторое время после ухода женщины висела тишина. По-прежнему из артефактной шкатулки лилась музыка, по-прежнему из открытого окна доносились звуки улицы, но тишину – настороженную, тревожную, вопросительную, наполненную невысказанными упреками и непролитыми слезами, – все это не нарушало.

– Хар, она это серьезно сказала? – борясь с непривычным неприятным ощущением неловкости, тихо спросил гость. – Про ребенка.

– Увы, – с тяжелым вздохом отозвался тот. – Да знаю, сглупил, конечно. Она меня подловила в неподходящий момент, целенаправленно... Но это бесспорно не оправдание, сам виноват. Ничего, моя ошибка – я и исправлю.

– Каким образом? – нахмурился блондин.

– Маг я или не маг? – холодно усмехнулся Хаггар. – Не смотри на меня так, ничего незаконного. Во всяком случае, такого, что закон способен отследить.

Еще некоторое время, пока определившийся наконец с нарядом маг одевался, мужчины молчали, и вновь первым заговорил гость, решив сменить тему:

– Как тебе последние новости?

– Какие? Прости, ты же знаешь, я не читаю газет и почти не участвую в светской жизни, слишком много работы. А отдыхать предпочитаю иным образом.

– Политические, – коротко ответил Варон. – В стране неспокойно. Король помиловал торговца, который убил державного Арака Окара. Помнишь, громкий скандал был с изнасилованием дочери того простолюдина?

– Ну, Окар получил по заслугам. – Хаггар пожал плечами. – Между нами, он действительно был редчайшая мразь.

– Я не жалею и не оправдываю его, но... Хар, это называется прецедент. Думаешь, в умах людей отложится тот факт, что Окара настигло возмездие? Нет, друг мой, это прозвучит совсем иначе. Простолюдин убил аристократа – и король подобное поощрил.

– Не говори глупостей, – отмахнулся маг и пренебрежительно фыркнул. – Думаешь, после этого чернь массово пойдет убивать своих хозяев?

– Это только один штрих. Постоянно всплывают какие-то агрессивно настроенные группы людей. Опять же король грезит прежними веками – абсолютной монархией. Я нюхом чую, что-то будет!

– Нюхом ты чуешь завтрак, через четверть часа будут подавать, – рассмеялся Хаггар. Смех его звучал неприятно, при хриловатом низком голосе он получался резкий и каркающий, зловещий, что лишь усугубляло сходство мужчины со страшными темными магами из сказок. – Успокойся, Ван, тебе везде мерещатся заговоры. Инакомыслящие и дураки были всегда и никогда не вымрут, а король... Кишка у него тонка пойти против сложившейся ситуации, не тот человек. Он привык жить в тепле, уюте, спокойствии и сытости и делать порой широкие красивые жесты вроде вот этого помилования. Страна давно уже держится на плечах владетелей, а у него хребет переломится от такой нагрузки.

Память напоминала догнивающую мусорную кучу. Обрывки и обломки прошлого смешивались, слеплялись, спаивались в безобразную однородную массу, пахнущую тленом и вызывающую отвращение. Хотелось закрыть глаза и уйти, отвернуться и больше никогда ко всему этому не прикасаться.

Но Он упрямо рылся в отбросах, пытаясь отыскать... не жемчужину, нет. Что-то относительно целое, поддающееся опознанию, связанное и годное к применению. Что-то, что можно взять в руку и однозначно определить его природу. Что-то реальное. Что-то достаточно прочное, способное служить опорой или хотя бы подпоркой. Не отдельные взгляды, слова, образы и мгновения, а целые фрагменты жизни, пригодные для создания фундамента... чего? Пока неясно. Чего-то, способного выжить вне времени и пространства, сильного и

незыблемого, как само Ничто.

Или не Он? Или этими поисками занимался некто другой? Тот самый бесстрастный сторонний наблюдатель, способный здесь и сейчас собрать целое из обломков и отделить нужное от мусора.

Впрочем, этот некто и сам не знал, какая мозаика сложится из мелких разноцветных стеклышек...

1398 год от Великого Раскола

Пригород Кирмила, столицы Рубера

Принято считать, что все неприятности случаются внезапно. Что для счастья нужно много трудиться, а горе приходит само и вдруг, когда ничто не предвещает беды. Такое тоже случается, но гораздо реже, чем кажется людям. Не только потому, что последние себя обманывают и старательно не замечают неприятностей. Просто над собственными радостями человек долго и трудно работает сам, а над его проблемами – кто-то другой. Людям же по их природе свойственно не обращать внимания на чужой труд.

Зима в этом году наступила вдруг, не в свое время. Злая, обиженная на весь свет, она сплющила и сжала осень до такой степени, что ее почти никто не заметил. Жители Рубера полагали, что это временное явление и осень еще заглянет на огонек со своим сопливым носом и затяжными дождями, но ей никто не дал такого шанса.

Снег валил сутками, порой сменялся мелким дождем. Потом по тонкому слою воды прокатывался, слегка потрескивая, некрепкий мороз, раскатывая его в листовое железо, а сверху снова ложился слой пухлого, мягкого снега. А когда зима решила, что запасла достаточно воды, холод воцарился окончательно. На календаре в это время только кончалась осень.

Старики утверждали, что последний раз такая зима пришла в год, названный после Великим Расколом. Когда по воле богов ли, по прихоти ли смертных единый прежде магический талант разделился на тeneвую и светлую стороны.

Время тогда наступило настолько смутное, настолько страшное, что сейчас от него не осталось даже внятных легенд, только противоречивые слухи, пронизанные страхом выживших свидетелей, утверждавших, что все случилось вдруг и одновременно.

Но людям свойственно не замечать приближающейся беды. И даже те самые старики, поминавшие Великий Раскол и считавшие раннюю суровую зиму дурным знаком, всерьез не ждали настоящих проблем. Поэтому беда пришла внезапно. Прикатилась тревожными новостями из соседних городов, залегла в подвалах домов и принялась за подготовку к решительному штурму. Исползла в человеческие головы и сердца, копилась там, умело затрагивая нужные струны. А ее проверенные и надежные союзники – лютый мороз и перебои с поставками продовольствия – подступали с других сторон.

Над городом зависла единственная мысль: «Что-то будет!» И мало кто понимал, что это «что-то» уже есть, просто не все его видят. Поэтому беда, несмотря на все усилия немногочисленных осведомленных, достигла критической массы и обрушилась на столицу внезапно, за час перед рассветом второго дня зимы, ударив одновременно в разные точки, одной из которых оказался особняк владельца Хаггара Вераса.

В атакующей группе только совсем уж случайный и недалекий наблюдатель мог бы заподозрить спонтанно собравшуюся толпу, опираясь на внешний вид нападающих – одеты они были очень по-разному. Но действовали настолько слаженно и организованно, что сомнений в спланированности акции не оставалось. А еще среди нападающих были маги, очень сильные маги, именно они составляли основную ударную силу.

Магическая защита сдалась быстро. Никто не собирался в этом доме пережить войну, защищался он только от грабителей и никак не рассчитывал, что вместо них придут совсем другие люди, не заинтересованные в материальных ценностях.

Хаггара Вераса-старшего, слабого теневого мага, оглушили сразу, еще в постели, и тщательно связали – он даже, кажется, не успел толком проснуться. Его жену, от страха не сумевшую даже закричать, выволокли из кровати, и хмурый молодчик в гражданском, но с военной выправкой вывел ее из комнаты – босую и простоволосую, в длинной белой ночной сорочке. И тот факт, что подобным же образом поступили не только с пожилой владелицей, но и с

молоденькой хорошенькой невесткой, которую и пальцем не тронули сверх необходимого, лучше всего доказывал подготовленность и организованность нападения.

Самую большую проблему в этом доме представлял Хаггар Верас-младший, и опасения нападающих он полностью оправдал. Пыль хладного железа, осевшая на его кожу и волосы, попавшая с первым вдохом в легкие, действовала хоть и недолго – не больше часа, и это в лучшем случае, – но зато эффективно. Но даже такой – пойманный врасплох, оглушенный потерей доступа к магии, нагой и вооруженный единственным ножом, невесть с какой целью хранящимся под подушкой, – он сумел доставить нападавшим несколько неприятных минут, серьезно ранив одного и задев другого. Регулярные тренировки не прошли даром.

Маги не приближались и ничем помочь не могли – хладное железо не пропускало сложные чары даже снаружи, а более простые и грубые могли сработать как угодно, вплоть до рикошета в создателя. Но в нападении участвовали не только они, и вскоре теневика оглушили и скрутили.

Очнулся Хаггар-младший не то от холода, не то от ощущения сосущей пустоты внутри, там, где совсем недавно в такт стуку сердца пульсировала магическая сила. Чувство было жуткое – как будто его вдруг лишили то ли зрения, то ли осязания. Неприятные ощущения дополнительно усугубляла и тяжелая пульсирующая боль в затылке.

Некоторое время мужчина лежал неподвижно и мучительно пытался понять, кто он, где находится и что вообще происходит. Ответ на первый вопрос пришел быстро, а вот другие два не спешили.

Маг медленно открыл глаза и обнаружил прямо над собой низкий – кажется, протяни руку и достанешь – темно-серый потолок. В непонятных пятнах и даже как будто подпалинах, он не то чтобы давил сверху, скорее, ехидно скалился. По пятнам и щербинам скакали нервные тени, и слабый колышущийся свет вкупе с этим самым потолком вызвал из памяти ассоциацию. Карцер в школе, вот на что это походило.

Хаггар медленно сел, морщась от боли и немоты в замерзших конечностях, потер ладони друг о друга, озираясь внимательней. Клетушка, в которой он

сейчас находился, действительно почти не отличалась от той, где прошло много часов его юности. Разве что чуть больше: мужчина мог вытянуться на койке в полный рост. А еще здесь не было двери, только толстая решетка от пола до потолка, между прутьями которой он не сумел бы просунуть руку, не коснувшись металла. Не требовалось подходить ближе, чтобы понять, из какого материала они сделаны.

Тяжелые широкие тугие браслеты из того же хладного железа охватывали не только запястья арестанта, но и щиколотки. Кажется, именно из-за этих украшений он так замерз.

«Как меня, однако, боятся», – лениво подумал он, разглядывая тусклый серый металл.

Хладное железо имеет очень мало общего с собственно железом. Насколько Хаггар знал, основой-то служит именно оно, но что еще добавляется в процессе изготовления и как вообще этот процесс протекает, знали единицы. Поговаривали, создают его сумеречные, а некоторые даже могут избегать его влияния, но это лишь слухи. А факт в том, что стоимость хладного железа никогда не опускалась ниже цены золота.

Существовало два сорта этого металла. Один – тот, из которого состояли наручники, – вызывал лишь легкий зуд и блокировал магию только при контакте с кожей. А второй – гремучее железо – оставлял на коже магов язвы, подобные химическим ожогам, которые заживали очень долго и трудно и не поддавались магическому лечению. Гремучее железо применялось чрезвычайно редко, стоило раза в четыре дороже своего побратима, но зато не позволяло магии существовать на некотором от него расстоянии.

Тут теневик наконец вспомнил события, предшествовавшие пробуждению, и зло скрипнул зубами, стиснув кулаки. Острые края браслетов впились в кожу и обожгли болью, но мужчина от застилающей глаза ярости не придавал этому значения.

Один вопрос не давал ему покоя. Как? Как нападающие сумели пройти незамеченными, почему он не проснулся при нарушении защиты?

Или, скорее, кто и как сумел повлиять на него, притупив бдительность, потому что поверить в собственный провал без постороннего вмешательства маг не мог. Он ведь ждал чего-то подобного, он готовился отражать атаку, но... магией, разорви их всех Незримый! А они сумели подойти в упор и нанести удар первыми.

Какое-то время Хаггар сидел неподвижно, терзаемый бессильной злостью и безосновательными предположениями. Но даже от них была польза, эти мысли и бурлящие эмоции отвлекали от черной жгучей пустоты внутри. За свою жизнь маг так привык к теплоте ровному пульсу магии, что без него ощущал безнадежность и почти отчаяние.

Что происходит, он догадывался. Увы, сбывались самые худшие прогнозы Варона: бунт не просто не удалось задуть в зародыше, он стремительно набирал обороты и лесным пожаром распространялся по стране. А теперь вот, видимо, подкатился к самой столице. Слишком быстро, слишком велики оказались масштабы заговора, слишком нагло и уверенно действовали преступники.

Но злился маг не только на них, а в равной степени и на себя. Даже не на эту недавнюю стычку, в которой проиграл, а на собственное поведение раньше. На то, что не слушал умницу Варона, на то, что отмахивался от всех его предупреждений. Слишком увлекся магией и научными изысканиями, упивался своей силой и поисками могущества. Где они теперь, эти силы и возможности, не сившиеся ни одному магу? За решеткой из хладного железа.

– Здравствуй, Хаггар. – От прозвучавшего вдруг голоса маг вздрогнул, вскинул голову, нашел взглядом посетителя и с удивлением понял, что тот ему неплохо знаком.

– Мастер Ассай? – хмурясь, спросил Верас-младший. – А вы-то что тут делаете?

– Мне разрешили тебя навестить. – Старший теневики выглядел мрачным, угрюмым, недовольным и каким-то потерянным. С последней встречи седины в его волосах существенно прибавилось, да и вообще мужчина несколько осунулся и заметно сдал.

– С какой целью? – криво ухмыльнулся Хаггар. Подниматься с койки, чтобы приветствовать гостя, не стал. Во-первых, не испытывал такого желания и не чувствовал себя особенно польщенным визитом, да и хозяином, если разбираться, он тут не был: так, временный квартирант на пару дней. Во-вторых же, стоять босыми ногами на каменном полу – сомнительное удовольствие, а тюремщики натянули на него только штаны и робу из грубого полотна, сэкономив на обуви.

– Сам не знаю! – Гасар Ассай почти отразил ухмылку собственного ученика. – Я все пытаюсь понять, как это получилось, как дошло до такого, неужели ты совсем нас не слышал?!

– Ну почему же, вы меня многому научили, – хмыкнул молодой маг в ответ. – Что происходит в стране?

– Боюсь, в стране все развивается по худшему сценарию. – Ассай еще больше нахмурился. – Это война. Гражданская война. До сих пор происходили отдельные мелкие стычки, но вчера все вспыхнуло. Король переоценил свои силы, а владельцы – напротив, его недооценили. Сейчас даже самые смелые пророки воздерживаются от предсказаний. Но дворец, где мы сейчас находимся, контролируют люди короля.

– И что в этой связи ждет меня?

– Смерть, – лаконично ответил его собеседник.

– Как наследника владельца? – с пониманием уточнил Хаггар.

– Увы, нет, – с тяжелым вздохом ответил бывший наставник. – Твоего отца казнили за измену короне, а тебя ждет смерть за твои собственные преступления.

– Это за которые? – Младший теневики насмешливо и вопросительно изогнул брови.

– А их мало? – мрачно осведомился Ассай. – Ты со своими экспериментами убил не меньше десяти человек. Неужели ты думал, что за это не придется платить?

– Это были не люди, это были паразиты и мусор, отторгнутый обществом. Пара нищих, несколько мелких преступников, а в основном – приговоренные к смерти, которых я, между прочим, честно выкупил.

– К смерти, Хаггар, а не к пыткам.

– Не надо делать из меня садиста, никто из них не испытывал боли, – поморщился молодой маг. – Что бы про меня ни рассказывали, мучения людей не доставляют мне удовольствия.

– Возможно, – не стал настаивать Гасар, – но я говорил не только о них и о ритуалах, а о твоих экспериментах с магией крови. На первый взгляд идеальное убийство: человек просто заболевает и через какое-то время тихонько умирает сам, потому что целители оказываются бессильны. Но любое воздействие всегда оставляет следы.

– Какие молодцы, вычислили меня, поймали, – с сарказмом протянул Хаггар. – Ты мне мораль пришел читать? А если я извинюсь и пообещаю так не делать, меня что, отпустят? Или ты надеялся своими увещеваниями заставить меня всерьез раскаяться и уйти в монастырь Светозарного, замаливать грехи? Нет, спасибо. Те ничтожества, от которых я избавил мир, этого недостойны. Вы пытались мне внушить, что все люди равны, все одинаково достойны жить. Это красивая сказка, не спорю, но, знаешь, логика подсказывает совсем другое. Нескромно говорить о себе, поэтому я приведу тебе один пример, пусть даже из жизни черни. Есть семья. Муж, жена и восемь детей от года до четырнадцати. С младшими возятся старшие, двое самых старших работают. Жена – прачка, чинит белье на дому, шьет и тащит на себе весь дом и всю семью. А муж пьет и бьет ее и детей – выпивает, засыпает, просыпается, с похмелья колотит, потом опять выпивает. Ты всерьез хочешь сказать, что эти двое одинаково достойные люди и они оба достойны одинакового отношения? Или ты думаешь, кто-то из этой семьи горевал о смерти папаши? Ты сам-то в это веришь, наставник? – Маг цинично ухмыльнулся.

– А чем так провинился Варун Дартар? Тем, что его жена спала с тобой, а он возражал? Беда не в том, что ты убил пару мерзавцев, а в том, что ты сам начал назначать виноватых, не вдаваясь в подробности, и совершенно заигрался в бога. Или ты скажешь, что в чем-то был виноват твой собственный ребенок?

– Какой еще ребенок? – мрачно спросил Верас.

– Нирана Артус, помнишь такую? Она пришла за помощью к нам, в Гнездо. Боялась тебя, и небеспочвенно. Но, знаешь, Воздающий все-таки наблюдает за людьми. Они выжили – и девочка, и ее сын, – и именно он после твоей казни унаследует и титул, и все остальное.

При этих словах Верас-младший – или, учитывая последнюю информацию, уже единственный, – сидевший до сих пор на койке, обхватив руками разведенные колени, прикрыл глаза и медленно опустил голову – не то в знак согласия, не то в задумчивости. На остальных убитых ему в самом деле было плевать, даже несмотря на то, что действительно не все из них являлись подлецами или преступниками, а кое-кого вовсе можно было назвать хорошим человеком. Но вот в этом случае...

Нет, он не вспоминал о той давней интрижке, ему не снилась в кошмарах решительная гордая брюнетка, да и нерожденного ребенка мужчина не жалел. Но где-то внутри с тех пор сидела заноза, которая в этот момент дала о себе знать. Не стыд, не раскаяние, но понимание – за некоторые поступки приходится платить, и вот это, похоже, один из них. Как только что правильно заметил Ассай, Воздающий – бог справедливости и правды, один из четверки верховных богов, действительно наблюдает за людьми и порой очень тщательно отслеживает такие вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Незримый – бог смерти и разрушения, один из старших богов. Почитается наравне с тремя другими старшими богами, но в отличие от них постоянно поминается всуе, обычно – в ругательствах. – Здесь и далее примеч. авт.

2

Владелец – старший аристократический титул, которых всего четыре. Далее по нисходящей идут хранитель, державый и ставленник.

Купить: https://tellnovel.com/kuznecova_dar-ya/spasiteley-ne-vybirayut

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)